

Сергей Попов

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина (Украина)

О ПРИМЕНЕНИИ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ ПРИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Явления русской языковой вариантности, в особенности грамматической, привлекают внимание лингвистов с середины XVIII века, но лишь в середине XX века началось массовое исследование языковой вариантности и заявила о себе новая дисциплина – ортология, появились разноаспектные ортологические словари и такой ортожанр, как практическая стилистика русского языка.

Основной и единственной проблемой, разрешаемой в ортологических работах, посвященных русской грамматической вариантности, является дифференциация – всегда формально похожих и потому нередко смешиваемых – грамматических вариантов. Такая дифференциация заключается в поиске любых возможных, прежде всего семантических и стилистических, дифференциальных признаков вариантов, но, как известно, такой поиск не всегда бывает успешным.

Обращение к когнитивному аспекту данного поиска может вывести исследователя на понятия: восприятия как основания представления, формируемого в левом, категоризирующем полушарии мозга; логики как строя мышления; аргументации как совокупности способов убеждения, без которых не обходится ни одно научное предприятие, в том числе ортолого-кодифицирующий лингвистический процесс.

Целью настоящей статьи является изучение возможностей применения теории аргументации, которая не может существовать без данных восприятия и закономерностей логики, при дифференциации грамматических вариантов. Такая цель обуславливает постановку следующих задач: 1) краткая характеристика соотношения понятий восприятия, логики и аргументации; 2) представление основных типов аргументов, выделяемых в теории аргументации и стихийно применяемых при дифференциации грамматических вариантов; 3) определение типов аргументов, наиболее приемлемых для такой дифференциации, и перцептивно-логическая их конкретизация.

1. Согласно данным когнитивной психологии, качество логичности мышления зависит от качества восприятия, в котором выделяются три степени: 1) синкретичное восприятие (СВ), то есть восприятие целостное, без выделения нюансов; 2) поверхностное восприятие (ПВ), то есть восприятие лишь одного из эмпирически очевидных признаков; 3) альтернативное восприятие (АВ), то есть восприятие в идеале всех эмпирически очевидных признаков в одной из двух его разновидностей: это альтернативно-императивное восприятие (АИВ), императивно отвергающее один признак в пользу другого, и альтернативно-диспозитивное восприятие, альтернативно принимающее признаки как закономерно сосуществующие (АДВ). Подробнее об изложенном в настоящем абзаце (Попов 2013: 5–105).

Аксиоматически очевидной является мысль о том, что различия между грамматическими вариантами должны быть не только восприняты, но и обоснованы. Обоснование, которое не может не опираться на естественный строй мышления – логику, обычно происходит так же стихийно, как стихийно осуществляется процесс мышления, но эту стихийность, как и любую другую, например логическую, можно и необходимо исследовать с целью выявления ее закономерностей: «...когда мы намереваемся оправдать какое-либо мнение, развить (изложить) точку зрения, выработать решение или сделать выбор и т. п., наш разум начинает активно искать необходимые аргументы» (Новоселов 2001: 111). Эти аргументы более полувека являются объектом внимания развивающейся теории, специально им посвященной.

2. Теория аргументации, изучающая способы убеждения, или аргументы, – сравнительно новая, существующая с середины XX века, научная дисциплина, поскольку изначально она не отделялась от античной риторики.

В VII–II веках до н. э. в Китае, Индии и на Западе, особенно в Греции, происходит преодоление мифологического мировосприятия, то есть СВ и в значительной мере ПВ человеком себя и окружающей действительности. Как заметил видный философ XX века К. Ясперс, назвавший указанный период времени «осевым» (особенно выделив значимость V века до н. э.), в это время «человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения», при этом уже не желая, как на протяжении предшествующего времени существования, объяснять явления «ужасного мира» действием сверхъестественных сил (ПВ). «Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт» (Ясперс 1991: 34).

По словам известного логика А. А. Ивина, в рассматриваемое «осевое время» происходит «переход от мифа к логосу»: «Не удовлетворенный объяснением мира в форме мифа, человек все больше обращается к своему разуму. Начинает формироваться наука логика, а вместе с нею теория аргументации, долгое время называвшаяся риторикой, – дисциплина, изучающая

технику убеждения». Потребность убеждать посредством речи могла появиться только в демократическом обществе, в частности в Древней Греции (Тисий, Корак, софисты, в особенности Протагор и Горгий, полемизировавший с софистами Сократ, а затем Платон и, конечно, Аристотель, создавший труд «Риторика», описывающий способы убеждения), «но уже в Древнем Риме, как только демократия начала свертываться, теория аргументации довольно быстро пришла в упадок» (Ивин 2007: 8–9).

Понятно, что «техника убеждения» могла существовать прежде всего в естественноречевой форме. К. Бюлер почти век назад зафиксировал три стадийные функции языка: экспрессивную, сигнальную и дескриптивную. При этом ученый обратил внимание на то, что дескриптивной функцией обладает только язык человека (Bühler 1918). К. Поппер добавил к этим функциям четвертую, тоже исключительно человеческую: аргументативную (Поппер 2000: 64), – показав тем самым, что потребность в аргументах возникает после реализации потребности в описаниях.

«Риторика» Аристотеля учитывала внешние факторы убеждения (особенности аудитории и основные требования к оратору), но не рассматривала факторы внутренние, то есть связанные с самой речью, посредством которой осуществляется убеждение (проявление ПВ). «Античность настаивала на исключительном значении для убеждения логического доказательства. <...> Другая ограниченность античного мышления – пренебрежение опытным, эмпирическим подтверждением выдвигаемых идей» (еще одно проявление ПВ: из двух диспозитивно необходимых аспектов воспринимается лишь один). «В дальнейшем эти две особенности ... привели риторику к многовековому застою. <...> Из искусства убеждающей речи риторика все более превращалась в искусство красноречия. Построение искусственных, опирающихся на неясные послышки доказательств и красивость выражения на долгое время стали самоцелью риторической практики» (Ивин 2007: 11–13).

Внимание к речевой стороне убеждения в середине XX века проявилось в связи с логическим анализом естественного языка. «Новая риторика» восстановила то позитивное, что было в античной риторике, отбросила предвзятость, будто процедура убеждения сводится к построению логического доказательства, и стала уделять особое внимание эмпирическому обоснованию, а также обоснованию путем ссылки на традицию, здравый смысл, интуицию, веру, вкус и т. п.» (Ивин 2007: 13). Для формирования «новой риторики», все чаще называемой «теорией аргументации», важное значение имели работы Х. Перельмана, Г. Джонстона и, конечно, таких представителей амстердамской школы исследователей аргументации, как Ф. Х. ван Емерен, Р. Гроотендорст, П. Хоутлоссер, С. Герритсен, Б. Гаррсен, Ф. С. Хенкеманс, М. А. ван Реес, Э. Т. Фетерис.

Место теории аргументации в ряду других наук, в числе прочего изучающих убеждение, а именно логики, психологии, классической

и лингвистической риторик, социологии, теории социальной коммуникации и других, очевидно: теория аргументации выявляет и систематизирует все, что в них говорится об убеждении.

Способы аргументации, или типы аргументов, принято делить на два вида: неуниверсальные, или контекстуальные, то есть применимые не в любой аудитории, и универсальные, применимые в любой аудитории.

«К неуниверсальным способам аргументации относятся ссылки на традицию, авторитеты, интуицию, веру, здравый смысл, вкус и т. п.» (Ивин 2007: 103). Не вдаваясь в подробности мира всех возможных «и т. п.», связанных с конкретностью ситуаций, в которых у человека может возникнуть необходимость что-либо аргументировать, остановимся на основных типах аргументов, названных автором.

Аргумент к традиции – один из двух наиболее значимых неуниверсальных типов аргументов: *«Традиция представляет собой анонимную, стихийно сложившуюся систему образов, норм, правил и т. п., которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей»*. Традиционализму присущи консерватизм, отказ от новаторства и даже следующие из него средневековые неиндивидуальность и анонимность художественных и научных произведений (Ивин 2007: 103–107). Аргумент к традиции весьма распространен в ортологии, где в соответствии с традиционным представлением о «консервативности нормы» наблюдается кодификация без доказательств, «по традиции», например: «Такие фамилии не склоняются – это общее правило» (Бельчиков 2006: 123); «(так как «согласование по смыслу» свойственно прежде всего живой речи)» (Голуб 2007: 376). Между тем хорошо известно, что норма исторически изменчива, и изменения нормы тоже должны быть кодифицированы. Ср. эту мысль с одним из замечаний К. С. Горбачевича: «В уточнении нуждается также распространенное мнение о непременном семантическом расхождении акцентных вариантов у глаголов на *-ить*» (Горбачевич 2009: 103).

Другим распространенным типом неуниверсальных аргументов является аргумент к авторитету. Его определение достаточно эмоционально, что подчеркивает ненаучность такого аргумента: *«Аргумент к авторитету – это ссылка на мнение или действия лица, прекрасно зарекомендовавшего себя в данной области своими суждениями или поступками»* (Ивин 2007: 110). Аргумент к авторитету – основной у первобытных народов: «Исследование ... народности кпелле в Либерии дает немало дополнительных примеров того, что человек в качестве авторитетного источника играет огромную роль в традиционной культуре знания. Для школьника факты истинны, поскольку о них сообщает учитель, и редкими бывают попытки найти иные основания или самостоятельно доказать эти факты. ... Предмет обсуждения отступает на задний план перед личностью обсуждающего» (Брунер 1977: 334–335). А. Арно и П. Николь свидетельствовали о том же в средние века:

«...самые частые ложные умозаключения – те, которые делают, когда смело судят об истине вещей, основываясь на авторитете, недостаточном, чтобы нас убедить» (Арно, Николь 1991: 288). Лингвист В. И. Чернышев говорил об этом явлении сто лет назад применительно к проблемам изучения языка: «Практика иногда чрезвычайно легко разрешает вопрос о том, что допустимо и нетерпимо в языке, особенно в школе, где первым и последним критическим судьей является учитель, нередко сам же и создающий кодекс одобряемого, разрешаемого и не допускаемого в речи своих воспитанников. <...> ...нужно признать, что стилистические мерки и вкусы существуют для известного времени и меняются так же, как меняется язык. Для времен Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Тургенева были различные понятия о правильности речи, и, вместе с изменением языка, эти классические писатели в некоторых случаях перестали быть для нас авторитетными; их выражения иногда стали для нас непригодны» (Чернышев 1970: 444). При дифференциации грамматических вариантов аргумент к авторитету не редкость. Например, Д. Э. Розенталь в подтверждение того, что «из двух вариантов: *Мой отец с матерью приехали сюда* и *Мои отец с матерью приехали сюда* предпочтительнее первый», ссылается на весьма эмоциональное высказывание Д. Н. Овсяннико-Куликовского по поводу предложения *Я давно не видал моих брата и сестру*: «Это не по-русски и режет ухо» (Овсяннико-Куликовский 1907: 29; Розенталь 1977: 220), однако не упоминает противоположные мнения по этому же поводу М. В. Ломоносова, Ф. И. Буслаева, В. И. Чернышева и А. А. Шахматова (подробнее об этом ПВ см.: Попов 2013: 127–129).

Такой тип неуниверсальной аргументации, как аргумент к интуиции, или интуитивная аргументация, «представляет собой ссылку на непосредственную, интуитивную очевидность выдвигаемого положения» (Ивин 2007: 122). Безусловно, при дифференциации грамматических вариантов интуитивные озарения происходить могут, но они непременно должны доказываться.

Не поможет в деле дифференциации грамматических вариантов и аргумент к вере, поскольку она представляет собой абсолютно ненаучное «глубое, искреннее, эмоционально насыщенное убеждение в справедливости какого-либо положения или концепции» и «заставляет принимать какие-то положения за достоверные и доказанные без критики и обсуждения» (Ивин 2007: 125–126).

Важным типом неуниверсальной аргументации является аргумент к здравому смыслу. Под здравым смыслом понимают «общее, присущее каждому человеку чувство истины и справедливости, приобретаемое с жизненным опытом. <...> Прежде всего здравый смысл проявляется в суждениях о правильном и неправильном, годном и негодном» (Ивин 2007: 133). В ортологии здравый смысл наблюдается во многих установлениях, например, в предписании не употреблять варианты типа *по окончанию* во временном значении,

поскольку очевидно (и это важно), что данное значение имеется у вариантов типа *по окончании* (Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 62–63).

Последним распространенным типом (точнее – подтипом) неуниверсальных аргументов считается аргумент ко вкусу, который является понятием, входящим в состав понятия здравого смысла. «Понятие вкуса существенно уже понятия здравого смысла. Вкус касается только совершенства каких-то вещей и опирается на непосредственное чувство, а не на рассуждение» (Ивин 2007: 135). Аксиологическое понятие вкуса не чуждо лингвистике, в которой вкус называют также «чутьем языка» (которое, к сожалению, иногда принимает вид ненаучной вкусовой оценки языковых явлений в таких терминах, как «не звучит», «не по-русски», «режет ухо» – см. выше высказывание Д. Н. Овсянко-Куликовского). «Важнейшее условие вкуса как категории речевой культуры – социальное по природе, усваиваемое каждым носителем языка в каждодневной практике, в школьном обучении, в работе над собой, в чтении и слушании лучших образцов, так называемое «чутье языка», – пишет В.Г. Костомаров, – т. е. набор оценок, отражающих системность языка и системность языкового развития и функционирования, общественных языковых идеалов» (Костомаров 1979: 68). Именно вкусом руководствуются кодификаторы, когда дифференцируют грамматические варианты по стилистическим признакам книжности, официальности, разговорности, просторечности и т. п., не всегда, впрочем, помня о том, что в соответствии с критериями признания явления нормативным (Семенюк 1990: 338) стилистическую характеристику кодифицируемой ими единицы должны поддерживать все носители языка (в чем не сложно убедиться, если обращать на это внимание). Например, Ю. А. Бельчиков вопреки вкусу носителей русского языка – развитых языковых личностей, согласившись с тем, что предлог *согласно* + дательный падеж (*согласно закону*) является общелитературной нормой, закрепил положение о том, что сочетание *согласно* + родительный падеж (*согласно закона*), которое считается просторечием, чаще всего наблюдаемым в речи малограмотных чиновников, является нормой официально-делового стиля (Бельчиков 2008: 301–302).

К универсальным типам аргументов относятся: 1) эмпирические: прямое эмпирическое подтверждение, или прямая эмпирическая верификация (нам этот термин кажется более приемлемым, поскольку, в отличие от термина «подтверждение», не страдает многозначностью), и косвенная эмпирическая верификация; 2) теоретические: логическое обоснование, системная аргументация, методологическая аргументация и другие (Ивин 2007: 22–102) (ниже мы ограничимся кратким рассмотрением лишь названных трех типов теоретической аргументации как наиболее распространенных).

Прямая эмпирическая верификация (ПЭВ) есть аргумент к данным чувственного опыта. Это самый надежный способ убеждения в истинности чего-либо. Разумеется, не всё, а лишь эмпирически воспринимаемое можно

аргументировать этим способом (Ивин 2007: 22–28). Однако в условиях семантико-стилистических исследований грамматических вариантов с целью выявления их дифференциальных признаков эмпирически верифицируемым является контекстное окружение вариантов, в котором в свою очередь эмпирически верифицируемыми являются маркеры тех или иных семантических и стилистических характеристик изучаемых вариантов. В ортологии ПЭВ межвариантных различий – явление распространенное, например, в предложении *Придя в любой книжный магазин, вы убедитесь в том, что современный читатель любит фантастику* маркер *любой книжный магазин* позволяет эмпирически убедиться в том, что речь идет не об одном и том же читателе, присутствующем в разных магазинах (из чего затем при помощи описанного ниже аргумента – логического обоснования выводится, что форма ед. ч. слова *читатель* имеет обобщенное значение).

Косвенная эмпирическая верификация есть подтверждение тезиса его эмпирически достоверным следствием. «Если у человека, вошедшего в дом, запотели очки, можно с достаточной уверенностью заключить, что на улице морозно». Однако полной уверенности в этом, как в случае с ПЭВ, нет: «...человек, у которого в теплом помещении запотели очки, мог специально охладить их, скажем, в холодильнике, чтобы затем внушить нам, будто на улице сильный мороз» (Ивин 2007: 28–29). Л. Витгенштейн писал, что ему нечего было бы возразить ребенку, убежденному неким взрослым, вроде бы побывавшим на Луне, в том, что можно на ней побывать, поскольку у него, философа Л. Витгенштейна, нет стопроцентных доказательств того, что это невозможно (Витгенштейн 1994: 336–337). Таким тщательным образом ученый предупреждает ПВ такой возможности/невозможности (Л. Витгенштейн не дожил 18 лет до высадки Нила Армстронга и Эдвина Олдрина, соответственно командира и пилота «Аполлона-11», на Луне). Очевидно, что косвенная эмпирическая верификация есть не доказательство, а допущение. Сомнительно, что допущение корректно называть верификацией, если оно может стать верифицированным только в результате ПЭВ.

Из теоретических типов универсальных аргументов первым обычно называют то самое логическое обоснование (ЛО), или логическое доказательство, которое имеет непосредственную корреляцию с силлогизмом и признавалось единственно возможным способом доказать свою правоту с античных времен до середины XX века (Ивин 2007: 51–73). «Логике принадлежит центральная роль в обосновании правильности наших рассуждений, так как именно соблюдение ее правил предохраняет нас от ошибочных выводов», – справедливо замечает Г. И. Рузавин (Рузавин 1997: 3). ЛО представляет собой силлогистически выводимое из большой и малой посылок дедуктивное умозаключение. Именно дедуктивно выведенные заключения (*Все люди смертны – Сократ человек – Следовательно, Сократ смертен*) могут быть истинными. Однако ЛО само по себе не дает гарантии

абсолютной истинности заключения. Важно, чтобы ЛО строилось на истинной посылке. Так, некоторые лингвисты исходят из посылки, что сохранение/несохранение в языке двух в чем-то сходных единиц зависит от их частотности (большая посылка), и логично выводят, что раз одна из них частотнее (малая посылка), то вторая постепенно архаизируется, например, обратное согласование типа *Он был мастер* как менее частотное уступает место более частотным конструкциям *Он был мастером* (Розенталь 1977: 180–181, 208–209; Солганик 2010: 198–199). Ложность этой большой посылки очевидна: коммуникативная потребность в нечастотной единице не исчезает, если эта единица имеет востребованное отличие. Так, Г. М. Зельдович эмпирически убедительно доказывает, что конструкции с именительным предикативным типа *Он был мастер* не исчезают, поскольку пусть не часто, но именно они употребляются при обозначении «наблюденности» (конкретности) явления, названного существительным (Зельдович 2005). Итоговая логичность силлогизма, построенного на ложной посылке, «теряет в репутации»: ложность посылки лишает логичность абсолютности. Следовательно, можно говорить об абсолютной и относительной логичности обоснования.

Другим типом теоретических аргументов является аргументация системная, или аргумент к системе: «*Системная аргументация – обоснование утверждения путем включения его в качестве составного элемента в какую-либо хорошо обоснованную систему утверждений или теорию*» (Ивин 2007: 75). С позиций логики, это отнесение вида к роду при достаточных для этого основаниях. Такие основания в идеале должны быть эмпирически верифицируемыми, но на практике это возможно не всегда, из чего следует, что системный тип теоретических аргументов сам по себе – без ПЭВ – неполноценен. Безусловно, такой аргумент применим при обосновании классификации грамматических вариантов по неким признакам, но не гарантирует от системных противоречий. Так, в словаре Л. К. Граудиной, В. А. Ицкович и Л. П. Катлинской в разделе «Синтаксис» (автор В. А. Ицкович) разъясняется употребление вариантов типа «*купить табак – купить табака – купить табак*». Формы родительного или винительного падежа в количественно-выделительном (партиitivном) значении» (Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 43), а в разделе «Морфология» (автор Л. К. Граудина) обсуждаются «Варианты типа *снега – снегу*. Родительный единственного существительных мужского рода на твердый согласный» (Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 169–177), хотя на самом деле варианты родительного падежа *снега – снегу* и *табака – табак* относятся к одному и тому же типу вариантов.

Наконец, третьим из известных типов теоретической аргументации является аргументация методологическая, или аргумент к методу. Поскольку метод – «*это система предписаний, рекомендаций, предостережений, образцов и т. п., указывающих, как сделать что-то*», методологическая аргументация – «*это обоснование отдельного утверждения или целостной*

концепции путем ссылки на тот несомненно надежный метод, с помощью которого получены обосновываемое утверждение или отстаиваемая концепция» (Ивин 2007: 88–89). Сразу обращает на себя внимание тот очевидный факт, что не каждый описываемый учеными метод является «несомненно надежным», особенно в плане его универсальности даже в достаточно узкой сфере, – ПЭВ позволяет в этом убедиться. Например, показанное выше (при описании ЛО) применение силлогистического метода трудно признать надежным, поскольку сам по себе он не предусматривает проверку ложности/истинности большой посылки.

3. Вне всяких сомнений, убедительность ПЭВ превосходит убедительность всех – неуниверсальных и универсальных – типов аргументов. Именно поэтому ПЭВ является также единственным способом проверки достоверности аргументации, осуществленной любым другим способом из рассмотренных выше. Однако, поскольку ПЭВ является аргументом практическим, его целесообразно сопроводить наиболее надежным из аргументов теоретических. Таким надежным теоретическим аргументом является ЛО, применение которого в дополнение к ПЭВ позволяет говорить об идеальном практическом и теоретическом единстве аргументации. В то же время возможно и необходимо понятийное соотнесение такого идеального единства с тремя степенями восприятия, описанными в первом абзаце пункта 1 настоящей статьи.

Поскольку ПЭВ основывается на категоризации данных органов чувств, то есть на восприятии, следует учесть, что оно может быть не только идеально альтернативным (АИВ или АДВ), но и нежелательно синкретичным (СВ) или поверхностным (ПВ). Из этого следует, что качеством восприятия обуславливается качество не только ЛО (то есть обуславливается относительность такого качества), но и ПЭВ.

Невосприятием признаков, дифференцирующих грамматические варианты, обуславливается ПЭВ, опирающаяся на данные СВ (далее – ПЭВ(СВ)). Тем самым обеспечивается относительное ЛО (далее – ОЛО), например, абсолютной синонимии вариантов *огорошивать* – *огораивать*, *обуславливать* – *обуславливать*, *условливаться* – *уславливаться* их неразличением (Бельчиков 2008: 220).

Восприятием в качестве дифференциальных тех признаков, которые не дифференцируют грамматические варианты, обуславливается ПЭВ, опирающаяся на данные ПВ (далее – ПЭВ(ПВ)). Тем самым обеспечивается ОЛО, например, вытеснения именительного предикативного творительным предикативным их низкой и высокой частотностью (Розенталь 1977: 180–181, 208–209; Солганик 2010: 198–199).

Восприятием среди альтернатив признаков тех, которые действительно дифференцируют грамматические варианты, обуславливается ПЭВ, опирающаяся на данные АИВ и АДВ (далее – ПЭВ(АИВ) и ПЭВ(АДВ)). Тем самым обеспечивается абсолютное ЛО (далее – АЛО), например, императивного

стилистического различия между литературным *по окончанию* и просторечным *по окончанию* во временном значении (Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 62–63), диспозитивного стилистического различия между вариантами типа *обусловливать* (письм.) – *обуславливать* (устн.) (Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 263–269) и (всегда диспозитивного) семантического различия между именительным предикативным (конкр.) и творительным предикативным (абстр.) (Зельдович 2005).

Итак, мы зафиксировали три степени ПЭВ, соответствующие трем степеням восприятия. ПЭВ(СВ) и ПЭВ(ПВ) в сравнении с ПЭВ(АИВ) и ПЭВ(АДВ) так же неубедительны, как неубедительны неуниверсальные аргументы к традиции, авторитету, интуиции, вере, здравому смыслу, в том числе вкусу, а также универсальные аргументы косвенной эмпирической верификации и аргументы теоретические, а именно ЛО и аргументы к системе и к методу.

Таким образом, при дифференциации русских грамматических вариантов стихийно применяются почти все типы неуниверсальных аргументов (кроме аргументов к вере и интуиции) и все типы универсальных аргументов, однако идеальным аргументом, который может быть использован при дифференциации грамматических вариантов, является единство ПЭВ(АИВ) и АЛО или ПЭВ(АДВ) и АЛО.

Библиография

- Арно А., Николь П. (1991), *Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения*, пер. с фр., Москва.
- Бельчиков Ю. А. (2008), *Практическая стилистика современного русского языка*, Москва.
- Брунер Дж. (1997), *Психология познания. За пределами непосредственной информации*, пер. с англ., Москва.
- Витгенштейн Л. (1994), *О достоверности*, [в:] Л. Витгенштейн, *Философские работы. Часть I*, пер. с нем., Москва, с. 321–405.
- Голуб И. Б. (2007), *Стилистика русского языка*, 8-е изд., Москва.
- Горбачевич К. С. (2009), *Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка*, 2-е изд., Москва.
- Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. (2001), *Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов*, 2-е изд., испр. и доп., Москва.
- Зельдович Г. М. (2005), *Русское предикативное имя: согласованная форма, творительный падеж*, «Вопросы языкознания», № 4, с. 21–38.
- Ивин А. А. (2007), *Теория аргументации: Учеб. пособие*, Москва.
- Костомаров В. Г. (1979), *Книга об основах речевой культуры*, «Русский язык в национальной школе», № 2, с. 66–69.
- Новоселов М. М. (2001), *Аргументация, абстракция и логика обоснования (заметки на полях)*, [в:] *Теория и практика аргументации*, Москва, с. 109–129.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н. (1907), *Руководство к изучению синтаксиса русского языка*, Москва.

- Попов С. Л. (2013), *Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография*, Харьков.
- Поппер К. Р. (2000), *Эволюционная эпистемология*, [в:] ред. В. Н. Садовский, *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики*, пер. с англ., Москва, с. 57–74.
- Розенталь Д. Э. (1977), *Практическая стилистика русского языка*, 4-е изд., испр., Москва.
- Рузавин Г. И. (1997), *Логика и аргументация: Учебн. пособие для вузов*, Москва.
- Семенюк Н. Н. (1990), *Норма языковая*, [в:] ред. В. Н. Ярцева, *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва, с. 337–338.
- Солганик Г. Я. (2010), *Практическая стилистика русского языка: учебн. пособие для студ. филол. и жур. фак. высш. учебн. заведений*, 4-е изд., Москва.
- Чернышев В. И. (1970), *Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики*, [в:] В. И. Чернышев, *Избранные труды в 2-х т.*, Москва, с. 443–641.
- Ясперс К. (1991), *Истоки истории и ее цель*, [в:] К. Ясперс, *Смысл и назначение истории*, пер. с нем., Москва, с. 28–286.
- Bühler K. (1918), *Kritische Musterung der Neueren Theorien des Satzes*, [в:] «Indogermanisches Jahrbuch», vol. 6, p. 1–20.

Sergey Popov

**REVISITING THE APPLICATION OF THE ARGUMENTATION THEORY
IN THE PROCESS OF DIFFERENTIATION OF GRAMMATICAL VARIANTS
(AS EXEMPLIFIED IN THE RUSSIAN LANGUAGE)**

(Summary)

Differentiation of grammatical variants is an important orthological problem. However, traditionally it is solved without awareness of arguments, which are arbitrarily used as normalizers while identifying differential properties of grammatical variants. The paper shows the possibility and necessity of the orthological application of the argumentation theory. In the context of grammatical variants differentiation, the normalizers use every possible universal and non-universal arguments except those appealed to someone's intuition and belief. Yet as the most convincing orthological argument should be recognized a combination of direct empiric verification and logical grounding, which, nevertheless, is not always ideal. The quality of this combination is provided by the quality of perception, which has three degrees: syncretic, superficial and alternative perception in its two varieties – imperative and dispositive. The first two degrees determine the relativity of logical grounding whereas the alternative-imperative and alternative-dispositive perception specifies its absoluteness. The direct empiric verification of contextual properties, distinguishing between grammatical variants and absolute logical grounding of the choice of a grammatical variant both based on the evidence of the alternative perception are an orthologically ideal argument.

Keywords: orthology, grammatical variance, differentiation, argumentation theory.